

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.13>

Шевчук Ольга Михайловна

[Актуальность причин политической модернизации конца XX века для современной Японии](#)

Статья раскрывает актуальность политической модернизации современной Японии. Каждый этап трансформации вызван совокупностью внешних и внутренних факторов. Цель исследования - проанализировать причины политической модернизации Японии конца XX века, выявить их актуальность для Японии XXI века. При этом влияние внешних факторов сохраняется, однако на рубеже столетий на первое место выдвигаются внутренние причины трансформации политической жизни, связанные с переходом Японии в фазу информационного общества, что можно выделить как специфическую черту модернизационных процессов эпохи Хэйсэй.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/3/13.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 65-71. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/3/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94

Дата поступления рукописи: 13.02.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.13>

Статья раскрывает актуальность политической модернизации современной Японии. Каждый этап трансформации вызван совокупностью внешних и внутренних факторов. Цель исследования – проанализировать причины политической модернизации Японии конца XX века, выявить их актуальность для Японии XXI века. При этом влияние внешних факторов сохраняется, однако на рубеже столетий на первое место выдвигаются внутренние причины трансформации политической жизни, связанные с переходом Японии в фазу информационного общества, что можно выделить как специфическую черту модернизационных процессов эпохи Хэйсэй.

Ключевые слова и фразы: Япония; модернизация Японии; политическая модернизация; эпоха Хэйсэй; политическая система Японии.

Шевчук Ольга Михайловна, к.и.н.

*Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
shevchuk.om@dvfu.ru*

Актуальность причин политической модернизации конца XX века для современной Японии

Япония – уникальная страна. На протяжении 160-летней модернизации по европейскому образцу она демонстрирует не только возможности динамичной адаптации к не присущим ей институтам политической, экономической, культурно-идеологической сфер, но и сохранение своей самоидентификации и культурной уникальности. **Актуальность** заявленной темы состоит в том, что, несмотря на ревизионистский курс японской политической элиты 1990-х гг., проведенная модернизация политической системы не купировала обусловившие ее вызовы и угрозы как внешнего, так и внутреннего характера. Не были должным образом проанализированы причины необходимости этой трансформации, что вкупе с особенностями самой системы и привело к затянувшемуся кризису. Современные исследователи-японисты тоже уделяют внимание содержанию модернизации, недооценивая значимости ее причин.

Научная новизна данной работы состоит в анализе факторов, повлекших переход Японии к новому этапу эволюции страны – модернизации Хэйсэй. **Цель** – проанализировать возрастание актуальности внутренних факторов трансформации политической системы на протяжении 1990-2000-х гг. На обсуждение выносятся три тезиса. Во-первых, причины, вызвавшие новый этап модернизации, воздействуют на современное общество сильнее, чем в 1990-е гг. Во-вторых, механизмы реагирования на внешние и внутренние вызовы, созданные реформами 1990-х гг., оказались половинчатыми. В-третьих, преобладают внутренние факторы модернизации объективного характера, которые значительно усложняют выбор модели и вектора трансформации.

Как отмечают исследователи [8, с. 7-9], модернизация в Японии проходила в форме «догоняющего развития», а не вестернизации. Это означало не просто перенос передовых и/или эффективных западных институтов на национальную почву, что неизбежно привело бы к деформации социальных отношений и социальной системы, а создание новых структур на основе слияния заимствованных элементов с традиционными институтами и структурами, что помогло сохранить национальную самоидентификацию. Такая модернизация, в первую очередь, ставит на повестку дня реформирование экономической сферы, индустриализацию страны. Культурно-идеологическая сфера подвергается трансформации значительно медленнее, придавая вновь создающейся системе устойчивость.

Модернизация в Японии была вызвана не только внутренними причинами, которые создавали необходимые предпосылки для реформ, но и внешними факторами. Вопрос о статусе страны, ее положении на международной арене, ее возможностях быть одним из главных акторов международных отношений в АТР, позднее – в мире, всегда был лейтмотивом политики правящих кругов в эпоху Мэйдзи, Сёва, Хэйсэй. Наступившая в мае 2019 г. эра Рэйва несомненно продолжит заложенный ранее курс.

В то же время модернизация в Японии приобрела свои специфические черты, которые пронизывают все сферы трансформации: руководящая роль государства с целью наиболее эффективной мобилизации имеющихся экономических и людских ресурсов для проведения системных реформ; эволюционный путь преобразований; определенный патернализм проводимой политики с целью сохранения «общественной гармонии» и предотвращения социальных взрывов; компромисс как модель решения споров; высокая степень рациональности и прагматизма в выборе механизмов и средств изменения институтов общества; максимальное использование традиционной системы ценностей и национального менталитета.

Модернизация политической системы – процесс всегда сложный, напрямую зависящий от происходящих социальных сдвигов. Д. В. Стрельцов [13, с. 86] выделяет три этапа: эпоха Мэйдзи, послевоенная модернизация (1945 – вторая половина 1980-х гг.) и политическая модернизация эпохи Хэйсэй (с конца 1980-х гг.). Периоды имеют свои особенности, но в целом общие черты, отмеченные выше, можно наблюдать в каждом временном отрезке.

Сформировавшаяся в первые десятилетия после окончания оккупационного режима «система 1955», или полупартийная система, опиравшаяся на модель доминантной партии в лице ЛДП, просуществовала до 1993 г. Кризис 1993 г. и переход к модели коалиционных правительств в целом не поколебал основы ни системы, ни самой партии.

Форма коалиционных правительств наиболее полно отразила тенденции политической модернизации. Стремление к гармонии и эволюционному пути развития вкупе с эгалитарным сознанием не способствует ни созданию альтернативной партии, пользующейся поддержкой народа хотя бы в цифрах, близких показателям популярности ЛДП (обычно в пределах 30-40% голосов на выборах), ни возвращению к модели 1955 г. События политических баталий 1990-2000-х гг. демонстрируют приверженность почти всех партий, как маистых – ЛДП и ДП, так и партий-одиночек, основному принципу любой политики – борьбе за власть. Неготовность партий следовать своим же программным установкам лишь только закручивает спираль кризиса.

Проигрыш на выборах 1993 г. и потеря единоличной власти не привели к радикальным переменам и в ЛДП. Показатели кризиса – постоянные коррупционные скандалы, фракционность, «наследственность» членства, отсутствие работающих механизмов ротации членов и т.д. – также делают процесс реформирования партии незавершенным. Попытки Д. Коидзуми, а затем С. Абэ выполнить пункты программных документов ЛДП о ликвидации фракционности, определяющей роли Председателя партии, внедрить новый стиль управления вызвали неоднозначную реакцию. На протяжении всего премьерства Д. Коидзуми вел борьбу не только с оппозицией, упрекавшей его в консерватизме, но и с членами своей партии, обвинявшими его в чрезмерном радикализме, авторитарных методах, стремлении подавить внутрипартийную демократию (что как раз и являлось сильной стороной фракционности). Аналогичную ситуацию можно наблюдать и с С. Абэ, которого даже прозвали «Босс Абэ» за тот же авторитарный стиль руководства партией.

Харизматичные лидеры тоже не смогли полностью избавиться от обвинений в коррупции (часто обоснованных). Так, С. Абэ оказался замешан в деле о махинациях с распределением государственных земель. Таким образом, решить проблему с коррупцией в рядах политиков пока не удается.

Партийно-политическая система Японии с момента ее оформления несет в себе компонент, который неизбежно подталкивает ее к реформе. Основной документ страны – Конституция 1947 г. – сформулирован в Штабе оккупационных войск и принят в условиях оккупации. И хотя в обсуждении документа принимали участие японские политики и представители гражданской бюрократии, этот факт не раз использовался националистически настроенными кругами в качестве аргумента необходимости проведения конституционной реформы с отсылкой на нарушение при принятии одного из главных ее принципов – суверенитета народа [1].

Современные отечественные исследователи оценивают Конституцию как демократический документ, соответствовавший времени, закладывавший правовые нормы построения гражданского общества [16] и являвшийся стабилизирующим фактором всей политической системы государства. Конституция отвечала потребностям потерпевшей поражение в войне Японии, создавала базу для проведения демократических реформ, при этом содержала возможность для сохранения национальной самоидентификации и национального самосознания (имеется в виду сохранение монархии в конституционной форме). Неудивительно, что до начала XXI века, несмотря на присутствие вопроса о пересмотре Конституции в речах лидеров ЛДП, вопрос о конституционной реформе так и остался предметом политических спекуляций.

Необходимость модернизации партийно-политической системы в послевоенный период признавалась всеми: и партиями, в том числе ЛДП, и бизнес-кругами. И хотя отмечаемый всеми исследователями прочный союз ЛДП с деловым миром (через Кэйданрэн – Федерацию экономических организаций – объединение крупнейших предприятий, отраслевых ассоциаций и других структур бизнеса, Кэйдай доюкай – Комитет по вопросам экономического развития, Никкейрэн – Федерацию предпринимательских организаций и Ниссё – Торгово-промышленную палату) являлся одним из факторов стабильности и высоких темпов экономического роста страны в 1960-1980-е гг. и был выгодным как для партии, так и для деловых кругов, руководители Кэйданрэн не раз заявляли, что поддержат любую партию, отстаивающую принципы свободного предпринимательства и имеющую реальные шансы прийти к власти [12, с. 342].

Сумевшая, по сути, монополизировать власть ЛДП в качестве приоритетов своей политики до конца 1980-х гг. выдвигала задачи создания условий для высоких темпов экономического роста, достижения конкурентоспособности японских товаров на мировом рынке. Это привело к формированию модели экспортоориентированной экономики. Готовность японцев заимствовать передовые достижения науки и техники и доводить их до уровня технологического совершенства стала одним из важнейших факторов «японского экономического чуда».

Чрезмерная увлеченность идеями свободы конкуренции и погоней за высокими темпами роста вкупе со стабильной ситуацией на выборах в парламент отодвинула на второй план вопросы социальной сферы и защиты окружающей среды. Пока темпы роста были высокими, партии удавалось обеспечивать определенную социальную стабильность через созданную и отработанную систему проведения инфраструктурных проектов (самый крупный подобный проект – «План преобразования Японского архипелага» 1970-х гг.). Такие проекты не только укрепляли связи крупного бизнеса с партией, но и способствовали перераспределению национального дохода в отсталые районы. В выигрыше оказались и рядовые японцы: создание различных социальных и коммуникационных объектов (детские сады, школы, торговые центры, мосты, аэропорты, высокоскоростные магистрали и железные дороги и т.д.) повысило качество жизни.

Укрепление связей деловых кругов с ЛДП закономерно привело к росту коррупции, что и показали события 1972 г. («дело Локхид»). Вновь возобновились дискуссии о реформе партии, завершившиеся принятием

Плана перестройки Либерально-демократической партии. В 1980 г. был провозглашен «Моральный кодекс ЛДП», направленный на усиление личной ответственности члена партии за нарушение морально-этических норм и приоритет личных интересов над партийными. Однако повторение ситуации в 1989 г. («дело Рикруто») с премьер-министром Н. Такэсита и проигрыш ЛДП на выборах в палату советников свидетельствовали о том, что кризис партии носит уже глубокий характер. Смерть императора Хирохито и восшествие на престол императора Акихито ознаменовали окончание целой эпохи в развитии страны – эпохи Сёва («Просвещенный мир») и наступление эпохи Хэйсэй («Установление мира»). Процессы последующих 30 лет вошли в историю как модернизация Хэйсэй. Среди причин последней выделяют два блока: изменения в системе международных отношений и переход Японии в фазу постиндустриального общества.

Внешнеполитические факторы напрямую связаны с тесным военно-политическим сотрудничеством Японии в рамках японо-американского договора о безопасности. Крах биполярной международной системы, с одной стороны, поставил мир перед вопросом о дальнейших путях развития без жесткой конфронтации двух супердержав, с другой – исчезли многие сдерживающие факторы региональных конфликтов. К тому же быстрый рост экономической мощи КНР превратил эту региональную державу в одного из лидеров мировой политики, поставив перед Японией вопрос о необходимости построения нового типа отношений с соседом. К тому же и КНР, и Республика Корея, которая также в 1980-е гг. сделала значительный скачок в своем развитии, обострили вопрос о контроле сырьевых рынков как в регионе, так и в мире. Немаловажным фактором стало и обострение ситуации на Корейском полуострове. Заявления Северной Кореи о разработках в сфере ядерного оружия, запуск в рамках учений баллистических ракет стали новым вызовом для Японии.

Изменения внутри японского общества оказались более структурными. Кризис 1970-х гг., информационная революция, политика правительства, способствовавшая росту производительности труда и уровню жизни населения, акцент на прикладной характер науки привели к формированию в Японии нового типа общества, которому присущи высокий образовательный уровень, приоритет индивидуальных потребностей и нужд над государственными, стремление получить желаемое не в конце жизни, а здесь и сейчас, вовлеченность в политические процессы на основе идеологических платформ борющихся сил или обратная сторона – уход из реальности в свой выдуманный мир, растущая потребность в информации и ее доступности и т.д.

Начиная с 1980-х гг. процесс урбанизации и концентрация производства на восточном побережье Японских островов выявили новую черту современного общества – увеличивающийся разрыв между численностью населения в сельской местности и городе, между столицей и окраинами. Это привело к тому, что отлаженная система перераспределения высоких доходов крупных корпораций через общественный сектор воспроизводства посредством государственных заказов и прямых вливаний в местные бюджеты перестала удовлетворять значительную часть населения, так как половина японцев переместилась в города. В условиях падения показателей экономического роста и утраты Японией преимущества в борьбе за внешние рынки сбыта (отказ от фиксированного курса иены в отношении доллара по итогам Плзского соглашения 1985 г.) проблема депрессивных отраслей подтолкнула правительство к наращиванию усилий в рамках административной реформы.

Но реструктуризация и приватизация крупнейших государственных монополий не решили проблему оттока населения из сельской местности в города и концентрации населения в нескольких финансово-промышленных центрах. Городские жители, особенно столиц (в том числе префектур), всегда более динамичны, дифференцированы, менее ограничены личными связями, менее подвержены патернализму, соответственно, менее предсказуемы на выборах.

По переписи 2015 г. население 9 ведущих префектур (районы Токио, Канагава, Сайтама и Чибо) составило 53,9% жителей страны, прирост за 5 лет составил 28,4% [26]. Если по переписи 2010 г. сокращение численности наблюдалось в 1321 муниципалитете (76,4% от всех муниципалитетов страны) [28], то в 2015 г. – уже в 1419 (82,5% при сокращении общего числа муниципалитетов на 9 позиций) [26]. В 11 мегаполисах Японии проживает 67,5% населения (29,3% – в Канто). Самая высокая плотность населения – в Токио (в 8,1 раза выше, чем средние показатели по стране) [Там же].

Неожиданно в лидеры по темпам роста выбилась Окинава (2,9%), но Токио и Канагава по-прежнему входят в пятерку лидеров роста. А вот лидеры в списке сокращения населения остались прежние – Акита (5,2% в 2010 г. и 5,8% в 2015 г.), Аомори (4,4% в 2010 г. и 4,7% в 2015 г.) и Кочи (4% в 2010 г. и 4,7% в 2015 г.). К ним добавилась Фукусима – 5,7% за 5 лет [Там же].

Еще один немаловажный аспект этой проблемы и тема постоянных дебатов в парламенте – адекватность отражения на выборах интересов населения сельских и городских районов, центра и окраин. Реформа избирательной системы 1994 г. должна была решить многие вопросы политической модернизации страны, в том числе и проблему «цены голоса». Согласно Закону о выборах, после каждой переписи населения необходимо пересматривать границы и число избирательных округов из-за высокой динамики внутренней миграции. События свидетельствуют о том, что пересмотр системы избирательных округов пока еще не происходит в штатном режиме. Только после исков в 2011 г. Верховный суд принял постановление признать выборы, проведенные при соотношении «цены голоса избирателя» более чем 3:1, противоречащими Конституции.

Под давлением общественности с 2012 г. начал процесс слияния малонаселенных округов; последнее такое крупное сокращение произошло перед выборами в нижнюю палату в октябре 2017 г. (ликвидированы 6 одномандатных округов, 4 одномандатных округа по системе общенационального одномандатного пропорционального представительства) [15, с. 43].

Такая же тенденция наблюдается и при выборах в верхнюю палату, когда избирательным округом является префектура. С целью устранения диспропорции голосов избирателей в 2012 г. и 2015 г. были приняты

поправки в Закон о выборах в государственные учреждения, согласно которым 4 малонаселенные префектуры объединялись попарно, создав 2 избирательных округа (Тоттори – Симанэ и Кочи – Токусима: по 1 депутату от каждого) вместо 4; в 3 округах уменьшено количество мест (на 1 в каждом) – Мияги, Ниигата, Ногано. В 5 округах (Хоккайдо, Токио, Аичи, Фукуока и Хиого) было добавлено по 1 месту. В 2018 г. приняты очередные поправки, согласно которым увеличивается представительство префектуры Сайтама на 2 места и добавляются в системе общенационального пропорционального представительства еще 4 места [27].

Изменение количества голосов в округах актуализирует другую проблему – представительство на государственном уровне интересов малонаселенных префектур. Это, в свою очередь, служит основой для продолжения полемики о необходимости реформы верхней палаты парламента, дублирующей многие функции палаты представителей. Жаркие дискуссии перед каждыми выборами в палаты парламента свидетельствуют о необходимости новой электоральной реформы. Такенака Харуката, профессор Национального института политических исследований, назвал проведенные реформы в этой сфере «лоскутными», не решающими проблему диспропорции национального представительства, следовательно, нарушающими ст. 14 Конституции, провозглашающую равные права для всех [24].

Данные последних двух переписей свидетельствуют о некотором сокращении темпов роста населения в крупнейших финансово-промышленных районах страны, но в депрессивных префектурах темпы не только не уменьшились, но и возросли. На фоне падения численности населения (с 2010 г. по 2015 г. на 0,9% [26]) и продолжающегося роста дисбаланса в соотношении «трудоспособное население – пожилые люди – молодежь» высокая концентрация населения в нескольких центрах и запустение многих районов станут серьезной проблемой и вызовом всей системе государственной власти.

Проблема эта назрела давно – негативные моменты в динамике населения и рождаемости прослеживаются с конца 1980-х гг. Однако мероприятия правительств 1990-2010-х гг. в основном были направлены на выстраивание привлекательной для населения демографической политики, не затрагивая по большому счету вопроса о вымирании деревни и нестоличных территорий.

С 2019 г. в рамках Комплексной стратегии преодоления сокращения численности населения и оживления местной экономики запущена программа финансирования лиц, желающих переехать из столицы в малозаселенные регионы. Планируется выдавать субсидии в размере 3 млн иен всем желающим переселиться в сельскую местность и начать там бизнес, особенно молодежи [25]. Правительство надеется, что проводимая политика поспособствует повышению вовлеченности населения всех возрастов в жизнь страны и регионов, повысит их заинтересованность в активном участии в управлении страной, тем самым решив одну из острых политических проблем – низкую явку избирателей во время выборов различных уровней.

Замедление темпов экономического развития, стагфляция и затяжная рецессия, ограничение возможностей правительства обеспечивать перекачивание средств в местные бюджеты для поддержки предприятий общественного сектора вызвали нарастающий разрыв в уровне жизни сельского и городского населения, крупных индустриальных районов и окраин.

Частный бизнес тоже вынужден искать механизмы выживания в условиях новых темпов роста. В 1990-е гг. частные компании стали переходить с системы постоянного найма к системе временных контрактов, позволяющих им экономить на различных социальных выплатах, механизмах повышения квалификации и, соответственно, зарплате (в том числе сократить отчисления в пенсионную систему). За 1990-2000-е гг. доля работающих вне системы постоянного найма увеличилась примерно в 2 раза: с 19% к концу 1980-х гг. [4, с. 78] до 34,5% в 2009 г. [17] и 37,2% в 2017 г. [3, с. 130]. Разница в зарплате между работниками по системе постоянного и временного найма достигает 60% [21]. Последние 6 лет статистика фиксирует замедление темпов роста числа работников на временных контрактах, но доля их все равно выше, чем в других развитых странах (там она составляет 15-20% всей рабочей силы).

В рамках новой социальной парадигмы развития (создание 100-миллионного общества 100-летних жителей, ведущих активный образ жизни и продолжающих трудовой путь до 75 лет) правительство С. Абэ предпринимает решительные шаги для устранения дискриминации в сфере организации труда с целью привлечения в производственную сферу всех категорий населения – женщин, пожилых людей, людей с ограниченными возможностями, молодежи без опыта работы и т.д., т.е. категорий, чаще других вынужденных функционировать в рамках системы временных контрактов. В июне 2018 г. принят Закон о реформе организации занятости (work style reform) (вступает в силу с апреля 2020 г.), запускающий серию мероприятий по созданию социальных гарантий для работников на условиях временной и неполной занятости, согласно которому сначала крупные предприятия и государственные учреждения, а потом и средние и мелкие компании (с 1 апреля 2021 г.) должны будут следовать принципу «та же самая работа, та же оплата» (при равной квалификации работников), создавать равные условия для карьерного роста и т.д. [29]. Таким образом, нарастание негативных тенденций в сфере занятости требует от правительства и партий выживания долгосрочных комплексных программ, создания адекватных методов реагирования и механизмов согласования позиций по ключевым вопросам.

С 1990-х гг. Япония столкнулась с еще одной острой проблемой – проблемой старения населения в результате тенденции сокращения рождаемости, наблюдающейся в стране с 1960-х гг. Нагрузка на оставшееся трудоспособное население выросла. По переписи населения 2015 г. Япония демонстрирует самый низкий показатель по доле подрастающего поколения и самый высокий – пожилого (тех, кто старше 65 лет) в мире. Лица моложе 15 лет составляют всего 12,6% (Япония опередила по этим показателям Италию (13,7%) и Германию (12,9%); за 1990-2015 гг. этот показатель в Японии снизился на 5,6 пункта [25]), лица старше 65 лет – 26,6% (в Италии 22,4%, в Германии 21,2%; за 1990-2015 гг. в Японии этот показатель вырос на 14,5 пункта [26]), за 5 лет

доля трудоспособного населения сократилась с 63,8% до 60,7% [Там же]. Впервые показатели населения 65 лет и старше превысили показатели лиц 15 лет и младше во всех префектурах. Проблема эта многоаспектная и требует самостоятельного рассмотрения [11]. Перспективы восстановления сбалансированного соотношения всех возрастных групп населения пока не вызывают оптимизма (для самовоспроизводства нации требуется показатель рождаемости 2,1, тогда как в Японии он 1,44 [2]).

В 2016 г. были внесены поправки в Закон о выборах государственных должностных лиц. Нижняя возрастная граница снижена с 20 до 18 лет. Предполагалось, что это повысит явку на выборах и поспособствует сокращению разницы в цене голоса в сельских и городских районах. Однако выборы по новой системе в нижнюю палату в 2017 г. продемонстрировали нежелание по крайней мере половины молодых избирателей участвовать в политической жизни страны через свое право волеизъявления (32% – для 19-летних, 50% – для 18-летних при общей явке 53,2%) [15, с. 43].

Демографическая проблема до сих пор является серьезным вызовом как правящей коалиции ЛДП-Комэйто, так и всей политической системе. Поведение молодого поколения на выборах трудно предугадать, среди них высоки абсентеизм и приоритетность своих личных интересов над государственными [5, с. 123]. В то же время увеличение количества пожилого населения и возрастающий пресс на экономику по обслуживанию их жизни (социальные выплаты, расходы на здравоохранение) могут быть оценены как недостаточные и тоже могут качнуть чашу весов на выборах в сторону оппозиции.

Еще один блок причин политической модернизации конца 1980-х гг. – начала XXI в. связан с особенностями политической культуры Японии, значительно повлиявшей на формирование в стране консенсусной демократии. Стремление к гармонии, обязательный консенсус по принимаемому решению, требующий многоступенчатой системы согласований и сглаживания спорных моментов, зависимость от финансовых кругов, высокая бюрократизация системы принятия решений сделали политическую систему неповоротливой и неспособной к быстрым решениям в условиях резких перемен. Если в политике неспешный темп японской демократии еще допустим (несомненно, мощным стабилизирующим фактором тут выступают как демократический характер Конституции 1947 г., так и единодушие основных политических партий в выборе общего вектора развития государства), то в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры не принятые вовремя решения оборачиваются часто большими потерями, чем проведение рискованных реформ. «Мыльный пузырь» 1986-1992 гг. и последовавшая стагнация, затянувшаяся на более чем 20 лет, это наглядно иллюстрируют. В Японии уже говорят не о «потерянном десятилетии», а «потерянном двадцатилетии» [23].

Специфика японской политической системы состоит в том, что на политической арене действуют не партии со своими четкими и отличными друг от друга программами (кроме КПЯ), а персонифицированные политические организации, объединяющиеся с целью прихода к власти, или, как отмечает В. Рамзес (применительно в первую очередь к ЛДП), «клуб, допускавший сильных мира сего к поочередному занятию высших должностей» [10, с. 46]. Политики все больше напоминают политических маклеров, при этом качественно деградируя [9, с. 170]. Это приводит к апатии электората и избирательному абсентеизму. Те же, кто приходит на выборы, в большей степени руководствуются не общенациональными интересами, а местечковыми – кто из депутатов имеет тесные связи в административном аппарате и, соответственно, может больше сделать для своего избирательного округа [19, р. 58-59]. Этим, в частности, объясняется еще одна уникальная черта политического мира Японии: крупные коррупционные скандалы – еще не повод для депутата уйти из политики и партии или перестать баллотироваться на высокие партийные посты.

Консерватизм же ЛДП не является идеологическим. Как утверждает Д. В. Стрельцов [14, с. 95], консервативное мышление присуще массовому японскому сознанию в силу особенности менталитета и национальной психологии, построенной на принципе всеобщей гармонии *ва*, эгалитаризме и идее социальной справедливости.

В 1993-1998 гг. была проведена серия реформ: политическая (реформа избирательной системы и финансирования партий), парламентская (демократизация, прозрачность и гласность процедуры выработки и принятия законов, расширение законотворческой инициативы депутатов), правительственная (закрепление премьер-министра и кабинета министров как главы исполнительной власти, усиление личной роли премьер-министра в процессе выработки стратегии национального развития во всех областях политики – от внешней до кадровой). Цель проводимых реформ – преодоление кризиса политической системы, предотвращение коррупции, формирование условий для появления лидеров нового типа – харизматичных, готовых нести ответственность за происходящие перемены в обществе, выдвигающих самостоятельные, идеологически выстроенные политические программы и т.д.

В целом к 2001 г. реорганизация политической системы была завершена. Появление на политическом олимпе Д. Коидзуми породило надежды, что пока идет организационное оформление второй крупной партии (имелась в виду Демократическая партия), которая окончательно направит страну по пути формирования Вестминстерской системы, молодой по меркам японского политического мира премьер-министр (59 лет) сможет выдержать натиск политического истеблишмента и не свернуть с пути реформ. Однако стиль деятельности Д. Коидзуми и пришедшего ему на смену сначала в партии, а потом и в руководстве правительством С. Абэ вызвал резкую критику как в кругу либерал-демократов, так и в политическом мире. Так и не удалось решить проблему с соблюдением политиками этических норм (коррупционные скандалы – неотъемлемая черта современной политики), фракционностью, династийностью в рядах депутатов парламента и других органах власти.

В 1990-е гг. отчетливо проявился еще один фактор трансформации политической системы – проблемы экологии и безопасность окружающей среды. Количество и тяжесть различного рода катастроф увеличились.

За 1990-е – 2019 гг. Япония пережила около 15 землетрясений (с магнитудой более 6 единиц), извержение вулкана, мощное наводнение (в 2018 г., 179 жертв) и рекордную жару (80 жертв и более 22000 пострадавших [18; 22]), тайфуны же в стране – обычное явление муссонного климата островов – по традиции имеют не имена, а порядковые номера. Помимо природных, в стране произошло как минимум 9 техногенных катастроф разного уровня.

Несомненно, как отмечают руководители всех уровней и зарубежные журналисты [20], Япония серьезно продвинулась в решении вопросов ликвидации последствий катастроф природного характера, уроки землетрясения в г. Кобэ (*Хансин Авадзи*) во многом были учтены. Однако ситуация с АЭС Фукусима-1 показала, что к крупным техногенным катастрофам страна оказалась не готова, и не столько с точки зрения технологической или технической стороны, сколько с политической. Из-за бюрократической системы согласования решений вовремя не были предприняты мероприятия по капсулированию атомного реактора. Это привело к нарастанию масштаба катастрофы.

Как отмечает В. Э. Молодяков [6, с. 10], наибольшей критике подвергся «кризисный менеджмент» – действия руководства компании ТЕРСО и поведение премьер-министра Н. Кана. Расследование показало, что в управлении АЭС были выявлены серьезные нарушения правил и стандартов использования мирного атома. Связано это не только с действиями руководства компании по сокрытию информации, но и традиционной схемой взаимоотношений структурообразующих предприятий с соответствующим министерством, в данном случае с Управлением атомной и промышленной безопасности в рамках Министерства экономики, торговли и промышленности. Треугольник «политики – деловые круги – бюрократия» проявил свои отрицательные черты, оставаясь краеугольным камнем политической системы Японии.

Поведение премьер-министра Н. Кана после землетрясения, цунами и последовавшей за ними аварии на АЭС продемонстрировало косметичность мер, предпринятых в рамках политической реформы конца 1990-х гг. для усиления роли премьер-министра в законодательной и исполнительной сферах. Кан Наото – Председатель Демократической партии – был известен как умелый боец политических баталий и хороший оратор, однако после аварии повел себя неожиданно – практически исчез из информационного пространства. Даже руководство Общенациональным штабом по ликвидации последствий, который был создан сразу же после аварии, не изменило поведения премьера. Политический механизм сам раскручивал маховик мероприятий по ликвидации последствий.

Оппозиция, признавая общенациональный масштаб трагедии, на время отказалась от резкой критики действий правительства, по сути, давая карт-бланш Кану. Опросы общественного мнения показали некоторый рост популярности правительства ДП с 20% накануне катастрофы (такой показатель по сути – необъявленный вотум недоверия народа правительству) до 28,3% (в первую очередь, одобрение заслужили меры правительства по оказанию помощи пострадавшим) [7, с. 62]. Чтобы смягчить ситуацию и успокоить население, по телевидению к нации обратился император Акихито, чего он не делал ни после разрушительного землетрясения в Кобэ 1995 г., ни в Ниигате 2004 г.

После аварии развернулась крупномасштабная работа по совершенствованию протоколов деятельности и созданию механизма контроля функционирования всех предприятий, аварии на которых могут привести к масштабным авариям и жертвам среди населения. Недовольство населения результатами правления ДП вылилось в победу ЛДП. К тому же за 6 лет после ухода Д. Коидзуми сменилось 6 правительств, ни одно из которых не смогло продвинуться в решении насущных экономических и социальных проблем или приступить к следующему этапу реформы политической системы.

Таким образом, причины политической модернизации Японии конца XX века остаются актуальными до сих пор. Однозначно можно отметить тенденцию перевеса социальных факторов трансформации над внешнеполитическими, что не было столь характерно для предыдущих этапов модернизации. На фоне затяжной рецессии в условиях снижения показателей экономического роста в 1990-е гг. отсутствие четкого понимания стратегии развития в сфере социального обеспечения и демографии накладывалось на незавершенность модернизации политической системы. В результате японский истеблишмент опять оказался в цейтноте – новые внешние угрозы, обостряющиеся с каждым годом внутренние вызовы, кризис приемлемых в условиях высоких темпов экономического развития и сохранения традиционного менталитета, но оказавшихся недееспособными в условиях информационного общества политических инструментов совместились с продолжающейся трансформацией политической культуры. Ломка традиционных ценностных установок, усиление синдрома хикикомори осложняют выбор вектора и модели дальнейшей модернизации Японии.

Список источников

1. **Говоров А. В.** Дискуссионные проблемы пересмотра Конституции 1947 г. // Япония 2001-2002: ежегодник. М.: МАКС-Пресс, 2002. С. 128-138.
2. **Кракова С.** Вымирание нации: спасут ли Японию мигранты и роботы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/12/14/12095677.shtml> (дата обращения: 15.02.2020).
3. **Лебедева И. П.** Идеология пожизненного найма и её влияние на современное японское общество // Ежегодник «Япония». 2018. Т. 47. С. 126-148.
4. **Матрусова Т. Н., Курочкина К. В.** Изменения на рынке труда Японии в постиндустриальную эпоху // Япония: экономика и общество в океане проблем / рук. и отв. ред. Д. В. Стрельцов. М.: Вост. лит., 2012. С. 76-92.

5. **Молодяков В. Э.** Растерянное поколение: старые и новые проблемы японской молодежи // Япония: экономика и общество в океане проблем / рук. и отв. ред. Д. В. Стрельцов. М.: Вост. лит., 2012. С. 114-126.
6. **Молодяков В. Э.** Япония после 11 марта: итоги и уроки Великого восточно-японского землетрясения // Япония – 2011: ежегодник / гл. ред. Э. В. Молодякова. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 5-17.
7. **Молодякова Э. В.** Внутриполитическая ситуация в Японии до и после 11 марта 2011 г. // Япония: события 11 марта 2011 года. Итоги и уроки / отв. ред. Э. В. Молодякова, С. Б. Маркаръян. М.: АИРО-XXI, 2012. С. 54-71.
8. **Молодякова Э. В., Маркаръян С. Б.** Вводная статья // Япония: опыт модернизации / отв. ред. Э. В. Молодякова, С. Б. Маркаръян. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 7-50.
9. **Огтай Нобухико.** «Истинное лицо Японии» 1994 г. (выдержки из книги) // Япония 1996-1997: ежегодник. М., 1997. С. 168-179.
10. **Рамзес В. Д.** Коидзуми завершает свою миссию // Япония эпохи Коидзуми: оценки и перспективы / отв. ред. В. Рамзес. М.: Вост. лит., 2007. С. 19-80.
11. **Саакян А. Р.** Демографические изменения в Японии во второй половине XX – начале XXI в. и их влияние на численность и качественные характеристики рабочей силы // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2015. № 2. С. 73-93.
12. **Сенаторов А. И.** Политические партии Японии (1945-1992). М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 352 с.
13. **Стрельцов Д. В.** Опыт политической модернизации Японии новейшего времени // Япония: опыт модернизации / отв. ред. Э. В. Молодякова, С. Б. Маркаръян. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 86-106.
14. **Стрельцов Д. В.** «Система 1955 года» как уникальный исторический феномен // Японские исследования. 2019. № 4. С. 88-102.
15. **Стрельцов Д. В.** Япония: четверть века после электоральной реформы // Азия и Африка сегодня. 2019. № 12. С. 41-48.
16. **Цветова И. А.** Современная политическая система Японии: факторы стабильности // Япония 2000-2001: ежегодник. М.: МАКС-Пресс, 2001. С. 30-53.
17. **Fackler M.** In Japan, the social safety net fails [Электронный ресурс]. URL: https://www.nytimes.com/2009/02/08/world/asia/08iht-08japan.20004529.html?pagewanted=all&_r=0 (дата обращения: 15.02.2020).
18. **Heat wave killed record 65 people across Japan last week as over 22,000 were hospitalized** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/07/25/national/heat-wave-killed-record-65-people-across-japan-last-week-22000-hospitalized/#.XkTdINJzcc> (дата обращения: 15.02.2020).
19. **Hirano S.** Electoral Institutions, Hometowns, and Favored Minorities: Evidence from Japanese Electoral Reforms // World Politics. 2006. Vol. 59. № 1. P. 51-82.
20. **Japan: Pillars of resilience** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ft.com/brandsuite/cabinet-office-japan/japan-pillars-of-resilience.html> (дата обращения: 15.02.2020).
21. **Japanese-style employment and wages** [Электронный ресурс]. URL: https://www.japantimes.co.jp/opinion/2020/02/06/editorials/japanese-style-employment-wages/#article_history (дата обращения: 17.02.2020).
22. **Osborne S.** Japan heatwave: Death toll climbs to 80 after nation declares deadly temperatures a natural disaster [Электронный ресурс]. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/asia/japan-heatwave-latest-death-toll-killed-hot-weather-natural-disaster-a8462656.html> (дата обращения: 15.02.2020).
23. **Solis M.** Japan's consolidated democracy in an era of populist turbulence [Электронный ресурс]. URL: <https://www.brookings.edu/research/japans-consolidated-democracy-in-an-era-of-populist-turbulence/> (дата обращения: 25.02.2020).
24. **Takenaka Harukata.** Weighing Vote Disparity in Japan's Upper House [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nippon.com/en/in-depth/a04401/> (дата обращения: 15.02.2020).
25. **第二百一回国会における安倍内閣総理大臣施政方針演説** (Выступление премьер-министра Абэ на 211-м заседании парламента) [Электронный ресурс]. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/98_abe/statement/2020/0120shiseihoushin.html (дата обращения: 15.02.2020).
26. **第1結果の解説** (Глава 1. Объяснение результатов (Итогового отчета по переписи населения 2015 г.)) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stat.go.jp/data/kokusei/2015/final/pdf/01-01.pdf> (дата обращения: 15.02.2020).
27. **参議院議員選挙制度に関する公職選挙法改正法の概要** (Краткое описание Закона о пересмотре Закона о выборах в государственные учреждения в отношении системы выборов Палаты советников) [Электронный ресурс]. URL: https://www.soumu.go.jp/main_content/000580733.pdf (дата обращения: 15.02.2020).
28. **平成22年国勢調査.人口等基本集計結果** (Национальная перепись 2010 г. Основные сводные данные) [Электронный ресурс]. <https://www.stat.go.jp/data/kokusei/2010/kihon1/pdf/gaiyou1.pdf> (дата обращения: 15.02.2020).
29. **ニッポン一億総活躍プラン・働き方改革実行計画 フォローアップ** (План выполнения реформы организации занятости) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/singi/hatarakikata/followup/dai2/gijisidai.html> (дата обращения: 15.02.2020).

Relevance of Political Modernization Problem at the End of the XX Century in Modern Japan

*Shevchuk Olga Mikhailovna, Ph. D. in History
Far Eastern Federal University, Vladivostok
shevchuk.om@dyfu.ru*

The article reveals relevance of the political modernization problem in modern Japan. Stage-by-stage transformations are conditioned by a number of external and internal factors. The paper aims to analyse causes of Japan's political modernization at the end of the XX century, to justify their relevance for the XXI-century Japan. Influence of external factors is preserved, but at the turn of the centuries, internal factors associated with Japan's transformation into the information society become the key ones, and it determines specificity of modernization processes of Heisei era.

Key words and phrases: Japan; Japan's modernization; political modernization; Heisei era; Japanese political system.